

Какильбаева Э.Т.

**Семиотика «алматинского
текста» в поэмах Владимира
Луговского и Олжаса
Сүлейменова**

В статье рассматриваются алматинские поэмы Владимира Луговского «Город снов» и Олжаса Сүлейменова «Балкон». Исследование семиотики города как локуса изнутри с целью составления «алматинского текста» по подобию «петербургского» или «московского текста» осуществляется путем интерпретации некоторых фрагментов сюжетов этих поэм. В статье делается попытка описать то особенное и уникальное, что составляет «алматинский текст» вышеназванных поэм. Исходной мыслью автора является утверждение, что Алма-Ата как особый город со своей историей и мифологией, алматинцы, населяющие город, неповторимая архитектура, природа и горы не в достаточной степени находят своё отражение в русской и русскоязычной литературе Казахстана. Для выявления специфики «алматинского текста» анализируются сюжеты «Города снов» В.Луговского, где ведущим мотивом является сон, сүлейменовской поэмы и салыковского фильма «Балкон», воссоздающих удивительную ауру Алма-Аты 60-80-ых годов.

Ключевые слова: «алматинский текст», локус, мотив вещего сна, психологический этюд.

Kakilbaeva I.T.

**Semiotics of «Almaty text» in
Vladimir Lugovsky and Olzhas
Suleymenov's poems**

The author of article considers Vladimir Lugovsky's poem of «The city of dreams» and Olzhas Suleymenov's poem «Balcony», investigates city semiotics as locus from within to make idea of «the Almaty text» in comparison with «St. Petersburg» or «the Moscow text». For this purpose she gives interpretation of some fragments of plots of these poems. This is in article attempt to describe that special and unique that makes «the Almaty text» of these of poems. The author of article considers that Alma-Ata as the special city with the history and mythology, the people inhabiting the city, the unique architecture, the nature and mountains not sufficiently find the reflection in the Russian and Russian-speaking literature of Kazakhstan. For detection of specifics of «the Almaty text» is analyzed the motive of a dream in V. Lugovsky's poem, and surprising aura of Alma-Ata of 60th and 80th in Suleymenov's poem and Salykov's movie «Balcony» .

Key words: «the Almaty text», locus, motive of a prophetic dream, psychological etude.

Кәкілбаева І.Т.

**Владимир Луговской мен
Олжас Сүлейменовтің
поэмаларындағы «алматылық
мәтіннің» семиотикасы**

Мақалада Владимир Луговскойдың «Ұйқы қаласы» және Олжас Сүлейменовтің «Балкон» Алматы туралы поэмалары қарастырылған. Мақала автордың ойынша, «алматылық мәтінді» Петербург немесе Мәскеу мәтіндеріне ұқсастырып жасау үшін қалалық семиотиканы локус ретінде ішінен зерттеу керек. Сол себептен жоғарыда айтылған поэма сюжеттерінің кейбір фрагменттерінің семантикасы анықталған, поэмалардағы алматылық белгілерінің ерекшелігі мен бірегейлігі белгіленген. Алматы ерекше қала ретінде, оның тарихы мен мифологиясы, қаланың тұрғындары, қайталанбас архитектурасы, табиғаты мен таулары орыс әдебиетінде және Қазақстандағы орыс тілді әдебиетінде толық көрсетілмегені туралы айтылған. Мақалада «алматылық мәтіннің» өзгешілігін белгілеу үшін Владимир Луговскойдың «Ұйқы қаласы» сюжетіндегі ұйқы уәжіне, Олжас Сүлейменовтің «Балкон» атты поэмасындағы және Қ. Салыковтың «Балкон» атты фильмдегі Алматының 60-шы және 80-шы жылдардағы аурасына назар аударылған.

Түйін сөздер: «алматылық мәтін», локус, болжау ұйқы уәжі, психологический этюд.

**СЕМИОТИКА
«АЛМАТИНСКОГО
ТЕКСТА» В ПОЭМАХ
ВЛАДИМИРА
ЛУГОВСКОГО
И ОЛЖАСА
СУЛЕЙМЕНОВА**

Известный исследователь семиотики текста и культуры В.Н. Топоров в 1973 году ввел в употребление понятие «городской текст», объяснив в статье «Петербургские тексты и петербургские мифы» свой взгляд на эту проблему: «...город говорит сам о себе – неофициально, негромко, не ради каких-либо амбиций, а просто в силу того, что город и люди города считали естественным выразить в слове свои мысли и чувства, свою память и желания, свои нужды и свои оценки.<...> Срок жизни этих текстов короток. Но скоротечность жизни <...> уравнивается тем, что время не только стирает тексты, но и создает и репродуцирует новые, <...> или же эти тексты успевают быть схвачены на лету литературой <...>. Невнимание и тем более пренебрежение к таким текстам – ничем не оправданное расточительство и сужение объема самого понятия культуры» [1, 368-369]. С тех пор в современном литературоведении много внимания уделяется семиотике петербургского и московского текстов в творчестве русских поэтов и писателей XIX и XX веков, исследуется крымский текст в русской культуре, защищаются диссертации, посвященные римскому, венецианскому, лондонскому и парижскому тексту в русской прозе и лирике.

При этом многие апеллируют к концепции сверткестов, разработанной Ю.М. Лотманом («Структура художественного текста»), «Символика Петербурга и проблемы семиотики города») [2] и В.Н. Топоровым («Петербург и «Петербургский текст» в русской литературе», «Петербургские тексты и петербургские мифы») [3]. Исследователи наиболее общими типами петербургских мифов считают миф творения, исторические мифы и предания, эсхатологические мифы о гибели города, литературные и «культовые» мифы.

В немногих художественных текстах об Алма-Ате смыслообразующими являются мифы об имени города и его «узких» локусах, фольклорные и исторические предания и легенды как форма памяти народного сознания. В алматинских сюжетах особое место занимают, к примеру, устные сказы о сакских курганах на Тастаке, нашедшие отражение в стихах Бахыта Каирбекова (см. его книгу «Биография алматинца», 2005 г.) [4], в книге Елены Клепиковой «Алма-атинские быльки: страниц-

ки из истории нашего Города, или Маленькие рассказы о любви» (2012 г.) [5]. В рамках своей статьи я рассматриваю алматинский текст как определенную семиотически осмысленную топонимическую данность, как метафору культуры, которая в силу неизвестных причин остается вне поля зрения исследователей. До сих пор не определены параметры «алматинского текста», не обоснован сам факт его существования в литературе, прежде всего, потому, что художественная биография города, который, по утверждениям современных историков, имеет тысячелетнюю историю, слишком разрознена, отрывиста и фрагментарна.

Основной интерес к семиосфере города, который «во вселенной знаменит тем, что другим его не заменить» (Олжас Сулейменов), возник у поэтов и писателей советского времени. Хотя о городе Верном написано немало, начиная с путевых записок П.П. Семенова-Тян-Шанского и Чокана Валиханова, сделанных при самом зарождении крепости. В городе жили и творили люди, оставившие свой след в истории и культуре Алма-Аты – писатели, художники, ученые и журналисты. Но многое из этих произведений – документальные, исторические, публицистические, мемуарные и научно-популярные, хотя написаны талантливо и занимательно. К знаковым произведениям художественной прозы, в которых воссоздана аура нашего удивительного города, исследователи относят роман Дмитрия Фурманова «Мятеж» о событиях 1918 года в Верном, «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей» Юрия Домбровского об Алма-Ате и алматинцах тридцатых годов, диалог Дмитрия Снегина «В городе Верном» о жизни и быте нашего города начала XX века.

Новый этап освоения семиотики «алматинского текста» связан с приездом в Алма-Ату в военные годы творческой интеллигенции Москвы и Ленинграда. По мнению искусствоведов, культурная эвакуация обернулась для Алма-Аты культурной революцией. В городе жили и творили писатели и поэты Константин Паустовский, Алексей Толстой, Ярослав Смеляков, Самуил Маршак, Сергей Михалков, Михаил Зощенко, Константин Симонов. Кинорежиссеры Сергей Эйзенштейн, Всеволод Пудовкин, Михаил Ромм и другие создали за годы войны 23 художественных и 10 короткометражных фильмов, превратив город в советский Голливуд. Сергей Эйзенштейн снял «Ивана Грозного» с Николаем Черкасовым в главной роли. Музыка к картине

писал Сергей Прокофьев, а тексты песен Владимир Луговской.

Их отношение к Алма-Ате было и пристрастным, и восторженным, что повлияло на структуру создаваемых ими городских текстов. Российские писатели отмечали особую ауру *вещего* города, активно осваивали местный фольклор в виде мифов и легенд, удивлялись слиянности города и гор. Виктор Шкловский, проживший в Алма-Ате почти год, в своих воспоминаниях восхищается сюрреалистичностью алматинского пейзажа: «Холмы мягкими волнами, их здесь называют полками, поднимаются в Тянь-Шаньские горы. Горы стоят над нами. Внизу яблоневые сады. За ними ели. За елями снега. Из снегов в город бежит быстрая река, расплетается в арки улиц. По улицам растут высокие, в два раза выше, чем дома, тополя. Корни тополей омываются ледяной снеговой водой Тянь-Шаня.

Это – Алма-Ата, город, который Владимир Луговской назвал «городом снов».

Один приезжий писатель-поляк, посмотревший на этот город, на снега над ним, сказал: тут могут присниться большеглазые тигры.

Здесь безветренно. Зимой тополя обрастают инеем и снегом. Стоят безмолвно; иногда раздаётся хруст: безмолвная снежная тяжесть раздавила дерево» [6, 110].

Упомянутый в вышеприведенном тексте известный советский поэт Владимир Луговской в первые дни войны попал в окружение, получил контузию головы, долго лежал в госпитале с серьезной психической болезнью, потом уехал в Ташкент, где тяжело пережил смерть матери. Из Ташкента по приглашению Сергея Эйзенштейна приехал в Алма-Ату для того, чтобы написать тексты песен и диалоги для фильма «Иван Грозный» (до этого у них уже был опыт совместной работы: в 1938 году поэт писал тексты песен к фильму «Александр Невский»). В Алма-Ате он создал большую философскую поэму «Город снов», посвященную трагической смерти на заготовке саксаула одного из артистов Валентина Кадочникова.

В этой сложной по структуре поэме он показал жизнь известных, знаменитых кинематографистов, живущих своей, абсолютно отдельной от всех жизнью, пребывающих в некоем прекрасном сне и ночью, и днем, с одной стороны. В параллельном сюжете автор рассказывает трагическую историю молодого художника, ученика самого Эйзенштейна, которого, несмотря на слабое здоровье, отправили на тяжелую работу. Заготовка саксаула, необ-

ходимого для отапливания Дома Искусств, было важным делом, но отправлять слабого здоровьем, больного Кадочникова многие, в том числе и В. Луговской, считали преступлением. Юноше не помогли ничем, оставили умирать на станции Чу, после кончины привезли вместе с саксаулом глубокой ночью на кинофабрику. И лирический герой, глядя на дощатый гроб в пустом коридоре, описывает свою реакцию на эту нелепую смерть. Через всю поэму проходит мотив сна, который приобретает особый мистический характер, становится многозначной метафорой и символом в поэме: в нем запечатлены и смерть, и мир грез, каковым является кино, и очерствление человеческой души. Город погружен в сон, названный Луговским *вещим*, показан через сновидения лирического героя; путь его по алматинским улицам, блуждание героя по «лауреатнику» можно интерпретировать как блуждание души в мире эмоций и преодоление боли и страданий в реальной жизни. Поэт, свидетель произошедшего, поставил смерть Кадочникова в центр поэмы, а образ Ученика сопоставил с образом Учителя, в котором воспроизвел острый, субъективный и пронзительно точный портрет Эйзенштейна:

Такая юность в нем еще кипела,
И ум, и тонкий жар, и все любили
Отчетливый и чистый русский профиль,
И гордый нрав, и сдержанную силу.
Надежду легкую. Он был надеждой
Для мастера великого...[7].

В поэме со всей силой лично пережитого и прочувствованного был запечатлен совсем иной лик Алма-Аты, не солнечный и приветливый, а зловещий, мистический, где дикий голубой костяк Тянь-Шаня, асфальт, покрытый ледяною коркой, густая черная очередь за хлебом в ночи, каморки, набитые бесприютными людьми:

...Куда он залетел, в гробу уснувший?
То город вещей снов – Алма-Ата.
О чем он думал, что его томило,
Какую правду он хотел поведать?
Молчит...
...Он так и не узнал всей силы века,
Не понял смысл трагических времен
И сам заплатил за это кровью,
Как сверстники его там, под Орлом ...[7].

Метафора «город вещей снов – Алма-Ата» позже будет обыграна современной казахстанской писательницей Лилей Калаус, которая назвала Алма-Ату «скверной Атлантидой»,

обыграв созвучие слов Верный-Скверный и Атлант-Алматы и одну из главных примет города – обилие зеленых скверов, породив еще один миф об Алма-Ате.

Интересная интерпретация жизни алматинцев, вернее, алматинских мальчишек представлена в поэме Олжаса Сулейменова «Балкон», на основе которой написан сценарий одноименного фильма К. Салыкова. Поэма представляет собой лирический этюд, малую часть большого целого. Критик и литературовед Мухамеджан Каратаев называл ее психологическим этюдом, акварельной миниатюрой, элегией, где ведущим мотивом является мысль о том, что жизнь может быть и простой, с отроческими горестями, которые забываются и даже кажутся потом мильми [8, 365]. Пушкинские строки «что пройдет, то будет мило» звучат в финале этой поэмы:

... иду к тому балкону,
и знаю –
дяди Бори нет,
и все равно –
спокойно» [9, 32].

В «Балконе» герой, от первого лица рассказывающий о событиях своих школьных лет, – не вымышленный персонаж, он – коренной алматинец, во многом схожий с самим автором. Из самой жизни взяты радиола «Урал», трофейная японская пластинка и другие атрибуты алматинского послевоенного быта. Олжас Сулейменов, в то время занятый киносценариями, активно использует в своей поэме кинематографические приемы: «Я опять стою под тем балконом. Там – давно – чужие, но я иногда прихожу постоять. Кажется, так начинаются киноновеллы о первой любви. Потом, весь фильм, – ретроспекция. Я не собираюсь отступать от правил» [9, 24].

И весь сюжет построен как поэтическая зарисовка-воспоминание лирического характера. Герой «Балкона» вспоминает три эпизода из своей и своего друга Жени жизни. В первых двух в ностальгической форме повествуется о детстве и первых годах взросления, о двойках, за которые их наказывал Папа (отец Жени, кандидат наук педагогических), о любви, которая пришла к ним в десятом классе:

Мы перешли в десятый класс
ударно и отлично,
пришла любовь:
Он – в новый Джаз,
а я – в свою физичку [9, 26].

В третьем сюжете герой, страдающий от неразделенной любви к учительнице, получает очередной жизненный урок от Папы: тот показывает, что уныние и страдания из-за сердечных дел так же предосудительны, как и двойки в школьные годы, поэтому унывающий по этому поводу герой заслуживает осуждения и наказания.

Критики и исследователи называют поэму киноновеллой о первой любви. Подтверждением ее кинематографической сущности является тот факт, что режиссер Калыкбек Салыков обратился к этой поэме для того, чтобы показать «оттепель» конца 50-ых – начала 60-ых годов XX века как время поэтов и художников, любви и романтики [10]. События в фильме происходят в центре Алма-Аты, на так называемой Двдцатке. (Так в народе называли двор, расположенный между улицами Мира и пр. Коммунистический, с одной стороны, и улицами Калинина и Виноградова, с другой. Там находился хлебный магазин номер 20). Главный герой фильма – хирург Айдар, во

многом alter ego сулейменовского лирического героя, вспоминает о своей юности, об алматинской жизни двадцатипятилетней давности, как ходили в школу, дрались с ребятами из другого района, влюблялись, курили на балконе, пробовали играть в джаз. Мотив дружбы Айдара и Женьки, в котором реализованы представления о высокой элитарной культуре, взят из поэмы «Балкон», а события, происходящие во дворе, внизу, созданы сценаристом Шахимарданом Кусаиновым. Сулейменовский сюжет об Алма-Ате, полный символического подтекста, был воспринят Ш. Кусаиновым и К. Салыковым как возможность воссоздать биографию алматинских шестидесятников, неслучайно актер, игравший главного героя, и внешне похож на поэта Олжаса Сулейменова. Поэтому киноновеллу и фильм «Балкон», как и философскую поэму Владимира Луговского «Город снов» можно считать удачной попыткой проникновения в семиосферу алматинского текста.

Литература

- 1 Топоров В.Н. Петербургские тексты и петербургские мифы (Заметки из серии) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. – М., 1995. – С. 259 – 367.
- 2 Лотман Ю.М. Структура художественного текста // [http://www.gumer.info/ bibliotek_Buks/Literat/Lotman/_Index.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotman/_Index.php); Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. – 1984. – Вып. 664. – С. 30 – 45.
- 3 Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст в русской литературе. – СПб.: Искусство – СПб, 2003. – 616 с.
- 4 Каирбеков Б. Биография алматинца – Алматы: Өлке, 2005. – 240 с.
- 5 Клепикова Е. Алма-атинские быльки: странички из истории нашего Города, или Маленькие рассказы о любви // http://royallib.com/book/ klepikova_ Elena / almatinskije_ bylki/html
- 6 Шкловский В.Б. Добро и гений // Страницы воспоминаний о Луговском. – М.: Советский писатель, 1962. – С. 110-115.
- 7 Луговской Вл. Город снов // <http://lit-almaty.kz>
- 8 Каратаев М. Диалектика поэтических дерзаний // Каратаев М. Собр. сочинений в 3 т. – Т. 3. – Алма-Ата: Жазушы, 1976. – С. 364-372.
- 9 Сулейменов О. Балкон // Сулейменов О. Глиняная книга. – Алма-Ата: Жазушы, 1969. – С. 22 – 32.
- 10 Балкон // kazakh-films.net/balkon/

References

- 1 Toporov V.N. Peterburgskie teksty i peterburgskie mify (Zametki iz serii) // Toporov V.N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo. – M., 1995. – S. 259 – 367.
- 2 Lotman YU.M. Struktura hudozhestvennogo teksta // [http://www.gumer.info/ bibliotek_Buks/Literat/Lotman/_Index.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotman/_Index.php); Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda // Uchen. zap. Tart. gos. un-ta. – 1984. – Vyp. 664. – S. 30 – 45.
- 3 Toporov V.N. Peterburg i «Peterburgskij tekst v russkoj literature. – SPb.: Iskusstvo – SPB, 2003. – 616 s.
- 4 Kairbekov B. Biografiya almatinca – Almaty: Өlke, 2005. – 240 s.
- 5 Klepikova E. Alma-atinskie byl'ki: stranichki iz istorii nashego Goroda, ili Malen'kie rasskazy o lyubvi // http://royallib.com/book/ klepikova_ Elena / almatinskije_ bylki/html
- 6 SHklovskij V.B. Dobro i genij // Stranicy vospominanij o Lugovskom. – M.: Sovetskij pisatel', 1962. – S.110-115.
- 7 Lugovskoj Vl. Gorod snov // <http://lit-almaty.kz>
- 8 Karataev M. Dialektika poeticheskikh derzaniij // Karataev M. Sobr.sochinenij v 3 t. – T. 3. – Alma-Ata: ZHazyshy, 1976. – S. 364-372.
- 9 Sulejmenov O. Balkon // Sulejmenov O. Glinyanaya kniga. – Alma-Ata: ZHazyshy, 1969. – S. 22-32.
- 10 Balkon // kazakh-films.net/balkon/